

А так хотелось еще поговорить

Расставание с Ефремовым —
прощание с большей частью собственной жизни

*Общая цена 2000 - 1 - 7
июня - с 1*

ТРИ ГОДА назад, в канун семи-десятилетия Олега, меня заклевали в редакции: «Неужели не можешь договориться с Ефремовым об интервью для «Общей газеты»?... Набираю номер. «Егор?» — узнает с первых же слов, хотя не перезванивались несколько лет. Начинаю убеждать: мол, у тебя круглая дата, вот и расплачивайся беседой с нашим корреспондентом. Выдержав достойную паузу (Художественный театр как-никак), Олег ответил с такой знаковой интонацией, которая словно звоночек, предупреждающий — сейчас тебя обьегорят:

— Случись у тебя круглая дата, я не стал бы просить интервью, а написал бы сам, что о тебе думаю...

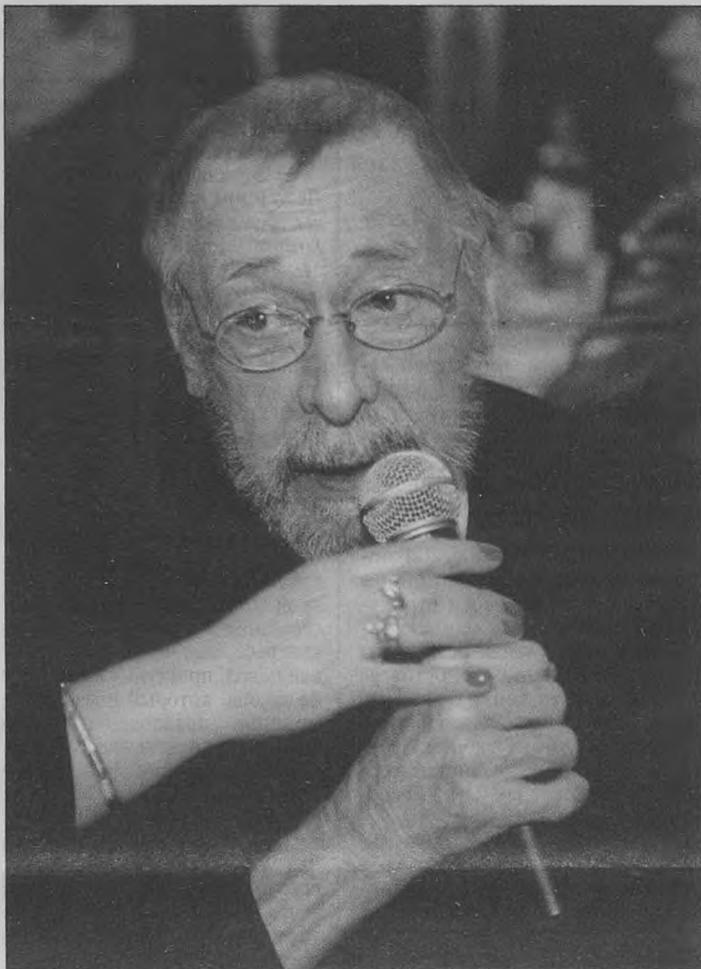
И пришлось самому водить пером по бумаге, путешествовать по извилинам почти пяти десятилетий нашей дружбы, сердечной привязанности, взаимного уважения. От первого знакомства на улице Чехова в Свердловском райкоме комсомола: меня, секретаря райкома, знакомят с секретарем комитета ВЛКСМ Детского театра Олегом Ефремовым. Каждым словом, каждым жестом этот секретарь демонстрирует, что никакому райкому он подчиняться не намерен... Через коммунальную квартиру на углу Гагаринского и Староконовского (на первом этаже этого дома и сегодня все та же булочная). Празднуется день рождения тридцатилетнего Олега, я впервые вижу Ефремова-старшего и навсегда запоминаю удивительную теплоту отношений отца и сына... Скамейка в сквере у Большого театра, мы сидим после спектакля в Детском, из-под полы вытащив чекушку, а Олег развивает свою программу-максимум на ближайшие годы: создать студию и хоть однажды сняться в кино... Наконец, пожалуй, главное: наши ночные споры о сути времени, которое тогда еще никто не называл хрущевской оттепелью. В этих разговорах (заметим, нет ничего опасней разговоров — и в политике, и в любви, и в объяснениях с начальством), да, прежде всего в них, и проклонилось желание улучшить жизнь, выпавшую на нашу долю, людей, нас окружающих, и начальство, нами распорядившееся. Стремление, лишь чуть наметившееся в наших спорах, со временем стало всеопределяющим и для Олега, и для меня.

...При жизни Олега никогда так не кликушествовали, как в эти дни затянувшегося прощания. Великий, гениальный, неповторимый, великолепный — не сетется с печатных страниц. Не могу представить, чтобы кто-нибудь, оставшись с Ефремовым с глазу на глаз, сказал ему подобное. Быть может, только женщины в самые интимные минуты... Всех остальных, услышав подоб-

ное, Олег бы послал так однозначно, как великолепно умел это делать.

Всенародное признание Ефремову принесло кино, о его театральных ролях, как и спектаклях, часто спорили, отнюдь не все принимали. Но я далек от того, чтобы определять, какой эпитет наиболее соответствует актеру и режиссеру Ефремову. Хочу понять иное. Почему так давит пустота, отчего так необозрима воронка, вырванная в душе известием о кончине Олега.

Годы отнимают у нас одного великого за другим — Леонова, Смоктуновского, Лебедева, Евстигнеева, Борисова. Вновь повторяю — велики! И каждому кланяюсь в ноги. С каждым прощаться было бесконечно больно, скорбим о них по сей день.

14 марта 2000 года

А теперь не для сравнения, а лишь истины ради, скажу, что прощание с Олегом оборачивается еще большей невозвратимостью. Ушел любимый актер, режиссер — все это так. Как оставил Гражданин.

...На прощании с Олегом мы были рядом с Горбачевым. Я поделился с ним, что как-то не помню Ефремова на взлете перестройки, даже среди делегатов Первого съезда народных депутатов СССР я его не припоминаю.

— Я тоже не помню, был ли он

на съезде, — согласился Михаил Сергеевич и продолжил: — Ефремов стал реформатором на много лет раньше Горбачева.

Справедливо!

Жить в своем времени принужден каждый из нас. А постичь его, вырвавшись тем самым на десятилетия вперед, дано немногим. Олег обладал этим даром, и в этом прежде всего заключался удивительный талант гражданина. После десятилетий унижения человека, его откровенного истребления Ефремов поднял восстание за человека! Этому было подчинено все, что он делал, ради этого создавался, существовал «Современник», ради этого жил он сам.

Сегодня кажется счастливым совпадением, что на времена режиссера пришлось драматургия

идеалам, которые исповедовал «Современник», — мы же всегда ценим в других то, что дорого нам самим. Никогда не подчинял актера своему режиссерскому видению. Даже если актер своей вторичностью выбивался из задуманного Ефремовым рисунка, относился к этому спокойно. На одной из последних наших встреч заметил: «Переворот в мировом театре, который несомненно приближается, произойдет через торжество актера». Избрав своим главным героем человека, он видел его и в актере.

...Олег головой проломил стену. Создать в 56-м студию, которую не удалось сразу же разогнать, превратить ее в театр, добиться признания властей и получить поминовение — что в равной мере уникально — мог лишь одержимый. Таким и был Олег, расплачиваясь за это, наверное, личным одиночеством. С годами у меня сложилось впечатление, что до конца Ефремов близок был лишь с отцом. И на последних встречах, таких несчастных, в его квартире на Тверской я почти физически испытывал плотные слои одиночества, окружающего его. И умер он один, наедине с самим собой, не сказав никому последнего слова.

...Боль утраты так нестерпима и оттого, что не вижу и тени человека, сравнимого с Олегом, готового своей убежденностью, непреклонностью, смелостью сделать нечто подобное. Скорее обратное. В минувшую субботу наблюдал на экране ТВ множество счастливых улыбающихся лиц, готовых создать еще одну партию власти, стремящихся безропотно служить одному человеку, лишь бы обезопасить себя от капризов демократии... А быть может, и на этот раз ошибаюсь. Пятнадцать лет прошли в политической толкотне, где меньше всего было места человеку. Кого-то, скорей всего, ждет та же площадка, которую занял Ефремов в середине пятидесятых.

...Дожил Олег и до моего семидесятилетия. Разумеется, статью он писать не стал, а на день рождения пришел, как бы ни было ему это трудно. И говорил тост, мучительно задыхаясь. Тогда, в марте, я и мои друзья видели Олега в последний раз.

А уже собравшись домой, Ефремов вдруг обратился к Ширвиндту. Сказал очень тепло, что ценит его талант и винит себя за то, что прежде не отдавал ему должного. Олег ушел, а Шура разрыдался, все время повторяя: «Он как будто прощался с нами...»

Смерть всегда оказывается быстрее нас, всегда обгоняет, лишая возможности еще одной встречи, еще одного разговора, хоть последнего, рукопожатия.

Егор ЯКОВЛЕВ